

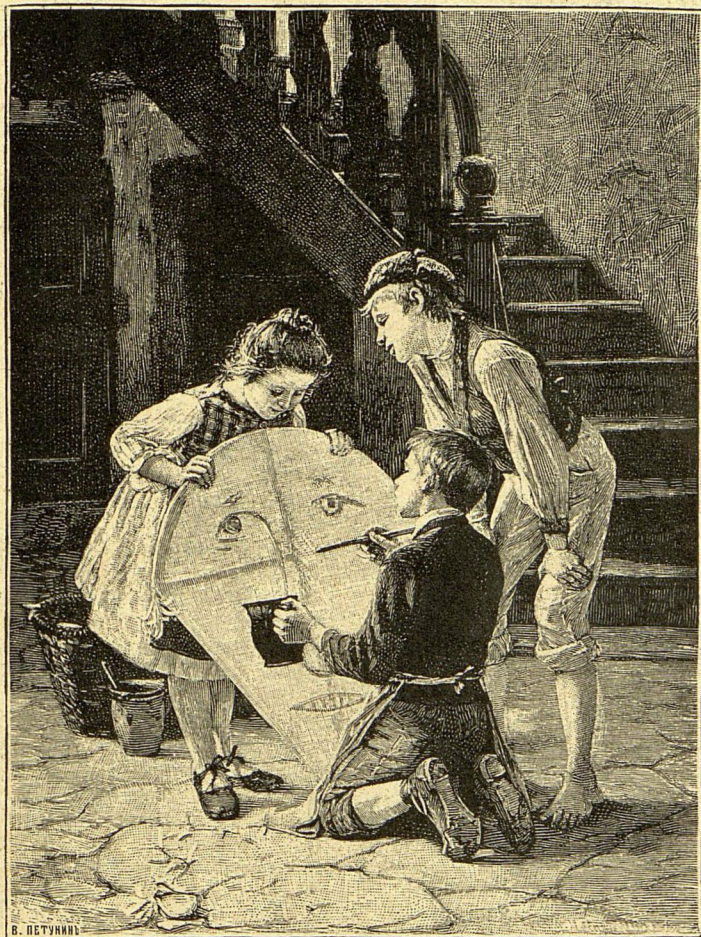
Свѣтлячокъ

1902 г.

№ 17.

Государственной
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

Новый змѣй на славу!

ЛѢТНЕЮ НОЧЬЮ.

I.

Ночь была теплая, душная... Небо темное, покрытое грозовыми тучами... Воздухъ неподвиженъ, и въ саду деревья стояли, какъ замороженные, ни однимъ листочкомъ не шелестѣли. Мракъ нависъ въ саду; и только одно мѣстечко на дорожкѣ, усыпанной пескомъ, было освѣщено свѣтомъ лампы, спускавшейся съ потолка стеклянной дачной веранды.

Мягко и осторожно ступая, придерживаясь стѣнъ дома, вышелъ въ садъ старый котъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по дорожкѣ сада и сѣлъ подъ кустомъ отцвѣтавшей сирени.

На верху забора, ограждавшаго дачу, по-

казался другой котъ. Онъ осторожно прошелся по верхней доскѣ, осторожно соскочилъ въ садъ, потрянулъ лѣвой задней лапкой и отправился подъ сиреневый кустъ въ гости къ первому коту.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ!—мякнулъ онъ,—какъ ваше здоровье?

— Здравствуйте, Мурка Петровичъ,—ничего, такъ себѣ! А ваше какъ? Вчера васъ не было видно!

— Ахъ, я былъ боленъ вчера!

— Что же у васъ болѣло?

— Весь былъ боленъ! Въ особенности бока болѣли!

— Что вы! Отчего же бока?

— Да видите ли, какое вышло дѣло: отправился я на чужую дачу, прямо на кухню, признаться, ѣсть очень хотѣлось...

— Ну?

— Ну, пришелъ на кухню,—кухня пуста, кухарка вышла куда-то. А на столѣ лежитъ цыпленокъ, совсѣмъ приготовленъ, даже посоленъ, только—въ кастрюлю и жарить... Ну, я разумѣется, этого цыпленка взялъ...

— Ахъ, какая вамъ, Мурка Петровичъ, удача!

— Удача? Ну, не скажите! Дослушайте

сперва. Взялъ я цыпленка и вонь, а въ дверь входитъ кухарка.

— Ай-яй-яй!..

— Да! Увидала въ зубахъ у меня цыпленка, схватила швабру и начала меня бить! Я—въ уголь,—швабра за мной; я въ другой,—и швабра туда же; я подь столъ, подь табуретъ, и швабра за мной, да все по бокамъ, все по бокамъ...

На счастье, окно было открыто, такъ ужъ я бросился въ окно, да, выскакивая, зашибъ ногу, и теперь еще побаливаетъ!

— Это скверно! Развѣ вы не получаете по утрамъ печенку?

— Печенку! Ха! Сказали тоже!—усмѣхнулся Мурка Петровичъ,—хотѣлъ бы я знать, кто бы меня угостилъ печенкой? Я даже вкуса-то ея не знаю!

— Ахъ, она очень вкусна!—воскликнулъ Василій Ивановичъ и облизнулся.

— Не соблазняйте лучше! Я живу теперь у бѣдной вдовы, которая питается чаемъ и картофелемъ.

— Чаемъ и картофелемъ? Впрочемъ, знаете ли что я вамъ скажу...

Василій Ивановичъ оглянулся въ темномъ кусту, потомъ приблизился къ Муркѣ Петро-

вичу, коснулся слегка своими длинными, колючими усами его усовъ и таинственно зашепталъ:

— Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать... Меня давно удивляетъ одно обстоятельство... Не знаю, удивляетъ ли оно васъ...

— Какое обстоятельство?—такъ же таинственно спросилъ Мурка Петровичъ.

— А вотъ какое...

II.

Вдругъ оба шарахнулись въ сторону, и у обоихъ распушились хвосты.

— Пфс!—сдѣлалъ Василій Ивановичъ.

— Пфс!—повторилъ Мурка Петровичъ, и оба уже приготовились убѣжать.

Но Василій Ивановичъ первый успѣлъ прійти въ себя.

— Не бѣгите!—сказалъ онъ, — не бойтесь! Это лягушка!

Дѣйствительно, между обоими котами очутилась большая, толстая лягушка. Широкий ротъ ея былъ раскрытъ, глаза выпучены.

— Фу, какъ вы насъ напугали!—сказалъ Василій Ивановичъ, — вы такъ подобрались, что мы и не слышали. Что вамъ нужно?

— Ничего, ничего!—кванула лягушка,—

мнѣ стало скучно на огородѣ, гдѣ я просидѣла цѣлый день; слышу разговоръ, я и приплелась.

— Не хорошо подслушивать! — замѣтилъ Мурка Петровичъ.

— Я не подслушиваю, что вы! Я думала, что вы примете меня въ свою компанію.

Коты-пріятели ничего не отвѣчали лягушкѣ, только Василій Ивановичъ съ презрѣніемъ покосился на нее.

— Ну, такъ что же? Продолжайте! Вы хотѣли что-то рассказать! — спросилъ Мурка Петровичъ.

— Что я хотѣлъ рассказать? — задумался Василій Ивановичъ, — вѣдь вотъ это появленіе Ъваквы Терентьевны всю память отшибло!.. Ахъ, да, вспомнилъ... Меня давно удивляетъ, какъ это живутъ люди.

— Какъ живутъ? — удивился Мурка Петровичъ.

— Ну, да, какъ живутъ! Вѣдь они живутъ совсѣмъ по особенному, совсѣмъ шиворотъ на выворотъ. Сравните хоть бы нашу жизнь, и ихнюю. Отчего, напримѣръ, когда мы спимъ, они не спятъ, а спятъ ночью, когда намъ вовсе спать не хочется, да и некогда, нужно исполнять свои обязанности...

— Ахъ, да, да, въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ Мурка Петровичъ,—потомъ я еще замѣтилъ, что они вовсе не ловятъ мышей, а если и ловятъ, то въ какія-то ужасныя клѣтки. Разъ я попала туда лапкой, да дверцею такъ ее прищемило, такъ было мнѣ больно, что думала,—я съ ума сойду!

— Затѣмъ они ѣдятъ, напримѣръ, картофель и пьютъ чай! Это, должно быть, очень невкусно!—сказалъ Василій Ивановичъ,—ну, что такое картофель?

— И не питательно!—подтвердилъ Мурка Петровичъ,—наконецъ, люди хотя и доставляютъ себѣ разныя удовольствія, но я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ сталъ лазать по деревьямъ...

— И ѣсть воробьевъ!—замѣтилъ Василій Ивановичъ.

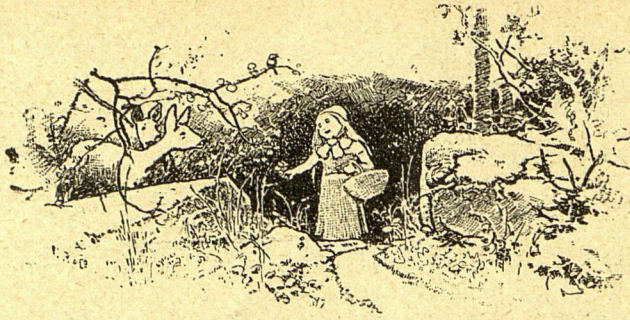
— Ходить по крышамъ! Вѣдь это такое удовольствіе!—воскликнулъ Мурка Петровичъ и даже глаза закрылъ.

— Вообще они, порядочные дураки!—рѣшили Василій Ивановичъ, и Мурка Петровичъ кивкомъ головы съ нимъ согласился.

Нав. Баранцевичъ.

(До слѣдующей книжки).

На зарѣ.

О, дитя! пробудись на зарѣ...
Алымъ блескомъ сквозять небеса,
По травѣ, на зеленомъ коврѣ
Разбросала алмазы роса.

Разрумянился ярко востокъ,
Это солнце рождается тамъ,
И въ кустахъ шелеститъ вѣтерокъ.
Шаловливо ласкаясь къ листамъ.

Птицы съ пѣньемъ уносятся въ высь,
Прославляя безбурныя дни...
Пробудись же, дитя, улыбнись
И опять безмятежно усни.

Л. Медвѣдевъ.

Дѣдушкинъ корабликъ.

Нигеръ *).

Разсказъ.

Шъ

Зимой большую часть времени Нигеръ проводилъ въ комнатахъ; но съ наступленіемъ лѣтней поры деревенское приволье манило и влекло его на просторъ.

Рано утромъ онъ собиралъ всѣхъ дворовыхъ собакъ и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ за пять верстъ въ лѣсъ.

Дорога, ведущая туда, была разнообразна. Сначала нужно было пробѣжать большой лугъ, миновать березовую рощу, сельскую церковь; затѣмъ по извилистой дорожкѣ подняться въ гору. За горкой тянулись поля, а за ними—густою, темно-зеленой, непроницаемой стѣной высился сосновый и еловый лѣсъ.

Что тамъ дѣлалъ Нигеръ съ другими собаками, — трудно

*) Окончаніе. См. „Свѣтлячокъ“, 1902 г. № 16.

сказать; но нашъ лѣсной сторожъ, Панкратъ, мужчина средняго роста и среднихъ лѣтъ, рыжеватый, съ красноватымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, съ небольшими, но быстрыми, вглубь ушедшими сѣрыми глазами, часто говариваль, останавливаясь у нашего крыльца и глядя на Нигера:

— Эхъ, славная собака! Жаль только,—не съ кѣмъ тебѣ охотиться.

И, ужъ обращаясь къ намъ, Панкратъ продолжалъ:

— Что-жь? Прибѣжить съ этими дворнягами въ лѣсъ, начнетъ гонять птицу; бросится въ одну сторону, въ другую, пронюхаетъ слѣдъ зайца, — либо другого звѣря; а онѣ — куда имъ поспѣть за нимъ? Побѣгутъ сначала, а тамъ, глядишь, и поотстанутъ. Извѣстно,—дурныя!.. Покрутится этакъ онѣ въ лѣсу, да броситъ ихъ и домой!..

И, дѣйствительно, послѣ лѣсной прогулки Нигеръ возвращался постоянно одинъ—утомленный и какъ-будто разочарованный—и тотчасъ же отправлялся купаться.

IV.

Иногда до утренняго чая, выходя въ садъ, я видѣла, какъ съ высунутымъ отъ жары языкомъ, учащенно дыша, Нигеръ вбѣгалъ въ калитку сада. Не останавливаясь, онѣ пробѣгалъ цвѣтникъ, одну липовую аллею, другую, достигалъ пруда и усаживался на берегу, въ тѣни деревьевъ.

Кругомъ—тишина и прохлада. Широко раскинулъ свои лапчатые вѣтви старый кленъ, а вперемежку съ ними красуются стройныя, сочныя липы. Немного ниже, у самаго пруда—орѣшникъ, ольха и камышъ. А дальше—зеркальная ширь, хрустальная и холодная, вся сверкающая яркими искрами.

Нигеръ не спускаетъ глазъ съ водной глади; онѣ сидитъ неподвижно, насторожившись.

Вотъ подулъ вѣтерокъ, зашумѣла листва. Какъ нѣжно

шуршанье тонкаго и гибкаго тростника! Невдалекѣ всплеснула рыба, и пошли по водѣ кружки за кружками.

Нигеръ чутко прислушивается, порою нервно вздрагиваетъ, шевеля своими длинными, шелковистыми ушами.

Надѣво виднѣется плотина, за нею—мельница. Немного въ отдаленіи—два гиганта-тополя, а изъ-за нихъ серебристой лентой выступаетъ поворотъ Днѣпра. Все залито сіяніемъ яркаго лѣтняго солнца.

Нигеръ покинулъ свое мѣсто; осторожно, немного разставляя свои заднія лапы, онъ спускается по уступамъ къ пруду. Сухая вѣтка хрустнула подъ нимъ; перепуганная лягушка бросилась въ сторону. Одинъ смѣлый прыжокъ, и Нигеръ въ водѣ. Вытянувъ голову впередъ, доплываетъ онъ почти до середины пруда, дѣлаетъ широкой поворотъ назадъ и, выходя на берегъ. Съ его длинной шерсти струится вода. Онъ встряхивается,—брызги разлетаются во все стороны,—и, чтобы лучше обсушиться, бросается въ траву и долго катается въ ней. Затѣмъ вскакиваетъ и, освѣженный, бѣжитъ домой, прямо въ столовую, гдѣ такъ пріятно пахнетъ телятиной, свѣжими булочками и ветчиной.

И удивительно вѣрно умѣлъ Нигеръ рассчитывать свои часы: онъ никогда не опаздывалъ къ утреннему чаю, несмотря на то, что ежедневно отправлялся въ лѣсъ. Одна изъ такихъ его прогулокъ была для него, однако, роковой.

V.

Однажды онъ возвратился домой какой-то странный, взерошенный. Черезъ нѣсколько дней мы стали замѣчать въ немъ большую перемену: онъ сдѣлался вялымъ, печальнымъ, безучастнымъ ко всему окружающему; глаза у него потускнѣли, и онъ ходилъ понурый, съ опущеннымъ хвостомъ, какъ наказанный. Когда его манили,—онъ неохотно подходилъ, намѣренно удалялся отъ людей, прятаясь въ кустахъ, и даже пе-

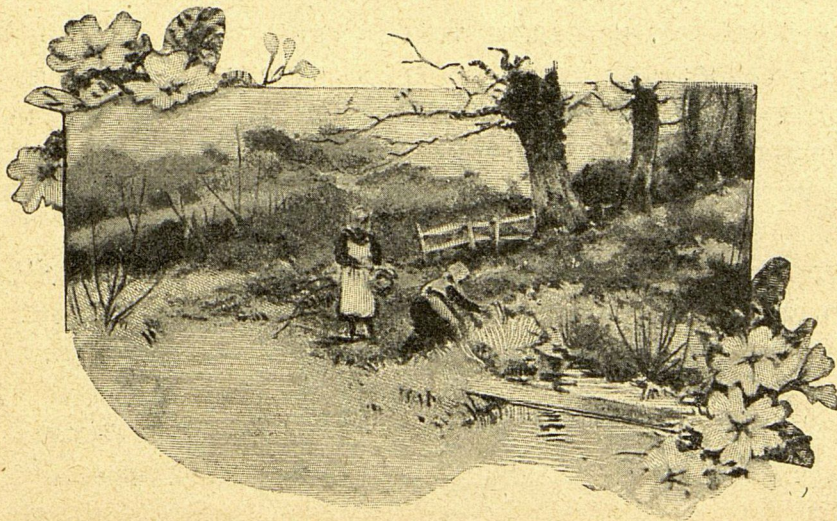
ресталь ночевать въ домѣ. Appetитъ пропадалъ у него съ каждымъ днемъ. Онъ даже замѣтно исхудалъ и къ ѣдѣ почти не прикасался.

Все это безпокоило насъ, и, не довѣряясь прислугѣ, мы рѣшили сами попробовать его накормить. Съ этою цѣлью мы собрались всѣ на террасѣ, куда была принесена большая миска съ молокомъ и хлѣбомъ.

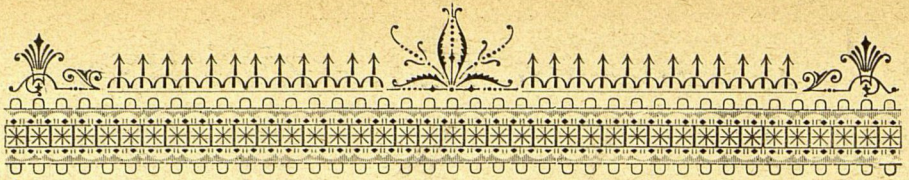
Какъ сейчасъ, помню этотъ осенній, теплый, тихо догорающій день. Яркій багрянецъ заходящаго солнца золотилъ чуть-чуть поблѣкшую листву нашего стараго, тѣнистаго сада. Нигеръ лежалъ подъ кустомъ сирени, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ террасы. Мы долго манили его. Наконецъ, онъ всталъ, качнулся на мѣстѣ, сдѣлалъ два три шага впередъ, бросилъ на насъ какой-то странный, растерянный и мутный взглядъ, завизжалъ какъ-то болѣзненно и вдругъ, вмѣсто того, чтобы подойти еще ближе, сталъ пятиться назадъ.

Тогда мы рѣшили его больше не тревожить и послать за ветеринаромъ. Но было поздно: на другой день утромъ Нигеръ сбѣсился.

Елизавета Шулубъ.

Заяцъ и лиса.

(ИГРА).

Кто-нибудь изъ играющихъ—заяцъ, другой—лиса.

Остальные играющіе изображаютъ кочаны капусты, стоя по всей комнатѣ въ разныхъ мѣстахъ.

Зайка стоитъ у кочана, ѣстъ себѣ капустку, пощипываетъ. Откуда ни возмись лиса.

— Заинька сѣренькій, будь здоровъ!

— Здравствуй, кума.

— Заинька, сытѣхонекъ ли?

— Сытъ.

— Заинька, гладѣхонекъ ли?

— Гладѣхонекъ.

— Заинька, погладить тебя можно?

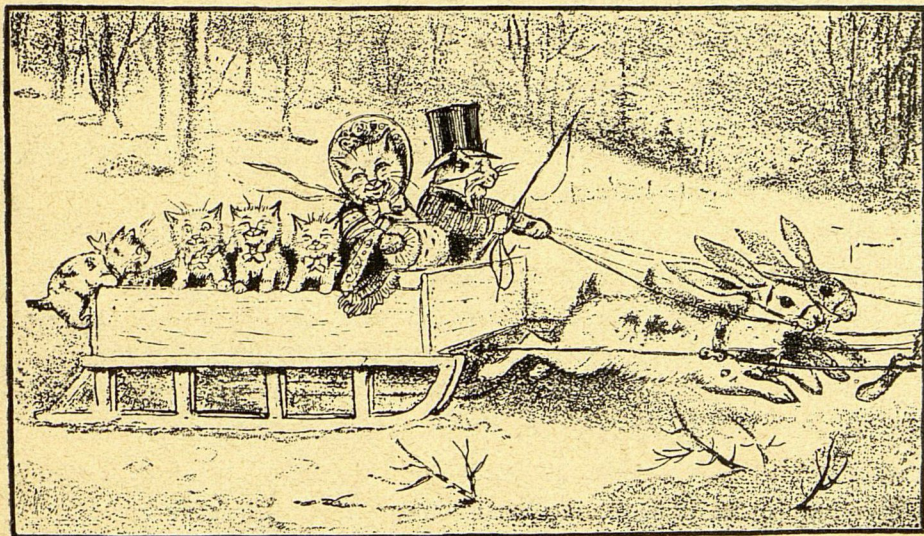
— Гладь!— съ этимъ словомъ заяка долженъ броситься къ слѣдующему кочану, чтобы лиса его не тронула, иначе онъ становится лисой. Если заяцъ только дотронется до слѣдующаго кочана,—лиса уже потеряла свою силу, и должна начать переговоры снова.

Тогда заяцъ можетъ занять сразу мѣсто кочана, а тотъ, ставъ зайцемъ, долженъ отбѣжать къ третьему кочану, спасаясь отъ лисы, послѣ чего игра начинается снова.

Потѣшныя странички.

Въ гости!

Котофей Котофеичъ собрался съ семьей
Въ гости къ Васькѣ-коту прогуляться.
Говоритъ онъ женѣ:—„Намъ не надо съ тобой
„На дорогу съ дѣтьми наѣдаться...

—*—

„Васька страшно богатъ,
„У него въ кладовой,
„Сыръ, колбасы висять,
„Сливокъ тамъ—ой, ой, ой!..“

—*—

Въ санки юркихъ зайчишекъ они запрягли,
Легче вѣтра на санкахъ помчались,—
А въ то время, какъ ѣхали,—кошка и котъ
И котята ихъ проголодались!..

Гости—къ Васенькѣ въ домъ,
 А у Васьки бѣда,—
 Шумъ и крикъ, и содомъ.—
 Ваську бьютъ господа.

— * —

Онъ у нихъ сыръ стащилъ, крынку сливокъ слизалъ.
 И за то ему больно досталось,
 Отъ гостей со стыдомъ на чердакъ онъ сбѣжалъ,—
 Котофей Котофеичъ плечами пожалъ:
 — „Ахъ, какая,—промолвилъ онъ, жалость?..
 „Ну, не солоно здѣсь я съ семьей похлебаль.“

— * —

Впредь, жена, не зѣвай
 На чужой каравай,—
 Лучше было бы дома покушать!..“—
 И котята пищать,
 И папаша не радъ,—
 Имъ не слѣдъ было бѣ Ваську и слушать.

Ткачъ-Основа.